

О ХАРАКТЕРЕ ВЫСТУПЛЕНИЯ ИОАННА ДРИМИЯ В НАЧАЛЕ XIV В.

Первые годы XIV столетия явились самым сложным периодом за время правления императора Андроника II Палеолога (11/XII 1282—24/V 1328). Особая напряженность внешнеполитической ситуации губительным образом отразилась на внутреннем положении империи. Каждая граница Византии представляла собою фронт: в Малой Азии постоянные успехи турок привели к тому, что в 1302 г. они вышли к проливам, а в 1304—1305 гг. опустошили Афон¹; на западе афинский герцог Гвидо II в 1304 г. вторгся в Эпир; с 1303 г. на Балканах началась война с Болгарией, в результате которой была потеряна приморская Фракия, Месемврия и Анхиал²; с конца 1303 г. на землях империи стремительно разворачивались события «каталонской кампании», в ходе которой к началу 1305 г. в Малой Азии возникло своеобразное каталонское княжество³, а после убийства в апреле 1305 г. Рожера де Флора наемники перешли к прямой войне с ромеями. Тяжелое внешнее положение страны благоприятствовало развитию в империи внутренних кризисов и нестабильности. Особенно это касается столицы, которая, будучи объектом происков итальянских республик, постоянно испытывала затруднения в снабжении продовольствием⁴. В 1304—1305 гг. Константинополь был наводнен беженцами из оккупированных турками районов Анатолии, их содержание было серьезной проблемой. В среде господствующего класса не обнаруживалось единства — прямо в императорском дворце супругой василевса плелись интриги, не оставляя надежд на трон Карл Валуа⁵. Византийская церковь также была расколота мощной группировкой сторонников патриарха Арсения.

В этих условиях произошло выступление Иоанна Дримия, которое, хотя представляет значительный интерес, еще не было объектом изучения. В ряде исследований, посвященных проблемам Византии начала XIV в., имеются весьма краткие высказывания, тем не менее раскрывающие это движение с различных точек зрения. Например, И. Шевченко полагает, что это выступление явилось последней попыткой свергнуть палеоло-

говских узурпаторов и восстановить законную династию Ласкарей⁶. А. Лайлу считает, что Дримий просто хотел сыграть на проласкаридских и антипалеологовских чувствах⁷. В. Лоран отмечал, что это выступление представляло самую большую опасность для Палеологов за все время их династии⁸. Для К.-П. Мачке этот «заговор» остался не совсем понятным⁹.

Основным источником для изучения выступления служит письмо константинопольского патриарха Афанасия I (14/X 1289—16/X 1293, 23/VI 1303—IX/1309), адресованное императору Андронику II. Это послание публиковалось трижды. Первый раз его издание осуществил А. Бандури в 1721 г.¹⁰ Затем Ж. П. Минь полностью перепечатал его с теми же краткими примечаниями¹¹. Последняя публикация принадлежит А.-М. Толбот, которая издала его на основе ватиканской рукописи 2219 (fv59r—61v)¹². В данной статье использовался текст последнего издания.

Исследователями письмо датируется 1305—1306 гг.¹³ В соответствии с этим само движение относится И. Шевченко к зиме 1305 г.¹⁴, а В. Лораном помещается между 1305—1308 гг.¹⁵

Письмо открывается небольшим вступлением, которое целиком посвящено изложению традиционного взгляда на обязанности и личные качества священников, их долгу по отношению к императору и присущим им добродетелям. По словам Афанасия I, они должны быть преданы христолюбивым василевсам (Аф. 10—11), должны стараться жить благочестиво (Аф. 11—12), побуждать людей хорошо относиться к императору (Аф. 15—16). Вступление наполнено цитатами из Ветхого и Нового заветов, из трудов Иоанна Златоуста. Оно потребовалось патриарху для того, чтобы резко противопоставить описанной «добропорядочности» иереев незаконные деяния того, кто причислял себя к их числу.

Появление человека по имени Иоанн Дримий в столице и его поступки послужили поводом для написания письма.

События (в последовательности изложения Афанасия I) разворачивались следующим образом. Прибыв в столицу, Дримий добился аудиенции у императора, «предстал перед священным василевсом, и ему был оказан прием как благочестивому человеку» (*cai basilei to agio emfanistheis cai eisdechtheis dexios, os dethen einai ton eulabon* — Аф. 34—35). В результате этой встречи Дримий был благодетельствован Андроником II, который проявил, по словам патриарха, большое благородство, гостеприимство и доброту (Аф. 40—43). Прежде всего, это произошло потому, что Иоанн выдал себя за священника (*cai tis Ioannes ta nun Drimus to epi theton, tou bemaos ena prosmarturon eauton* — Аф. 26—27). Афанасий I неоднократно обращается к этому факту, возмущающему его глубочайшим образом. На приеме у василевса Дримия, по его мнению «удостоили большего, чем он заслужил, так как он сказал, что из духо-

венства» (cai filotimetheis uper ten axian di o epefemizen eauto ierosunes oimai axioma — Аф. 3: — 36). «Самым безнравственным,— пишет патриарх,— является то, что он прикрывается священным званием, как волк овечьей шкурой» (clesei te iera uproscruptome nos, os an tis codio cai lucon pericalupseien.— Аф. 29—30). Столь многократные указания на священство Дримия заставляют обратить особое внимание на этот факт, так как не исключена возможность его принадлежности к церковной оппозиции.

Вместо должной благодарности за благосклонное отношение василевса Иоанн Дримий «вместе с подобными ему» (omoious auto prosetairisamenos.— Аф. 47) выступил против стада Христова, церкви и императора (Аф. 44—48). По словам патриарха, он прибыл в столицу словно «ржавчина», отыскивая всюду повинующихся ему «сынов погибели» (Аф. 31—33)¹⁶, с которыми надеялся свершить свой замысел. Дримий «доверил неким своим единомышленникам мысли относительно обмана и восстания» (omofrosi touto tisi ta te planes autou cai apostasia catapisteusanta — Аф. 63—64). Затем злоумышленник распространяет в городе «гнусные и глупые слухи, вдобавок относящиеся к власти» (bdelura scaioremata en te polei cai tauta tou cratous enspei — ras o deilaios — Аф. 65—66) и «организует нечестивую банду» (summorian poiei tai eparaton — Аф. 66). Вместе они сложили коварную историю, что Дримий является несчастным потомком «некогда царствовавших» (athlios apogonon einai ton ropote bebasileucoton — Аф. 48—51). На основе этого мятежники строили все свои дальнейшие притязания. Но прежде, мало надеясь на собственные силы (Аф. 66—68), они «предприняли труд породить беззаконие» (Аф. 68—69), т. е., распространяя определенные слухи, сообщники сознательно возмущали широкие круги столицы с тем, чтобы, обретя в них солидную опору, осуществить задуманное. За довольно риторичными словами патриарха скрывается то, что Дримию удалось вовлечь в свои действия весьма многих представителей различных слоев Константинополя. «Он привел в замешательство и поверг в бездну сомнения тех из народа, кого нашел испорченным и враждебным к императору и богу и больше всего — из ксилотов» (Аф. 85—87), — отмечает Афанасий I. В другом месте патриарх сообщает, что единомышленники решили собрать «всех наших безбожников» (tous cuclo emon atheous cai asebeis — Аф. 70—71), чтобы те приняли участие в сражении против бога, императора и христиан (Аф. 66—73). За столь общими фразами скрывается пестрый социальный состав участников выступления. Важнейшей опорой Дримия были арсениты, которых патриарх презрительно именовал «ксилотами»¹⁷. В. Лоран отмечает, что эта группировка в церкви имела влиятельных сторонников при дворе и даже в армии¹⁸. Но основную массу арсенитов составляло монашество, враж-

дебно настроенное по отношению к императору и патриарху¹⁹. И. Шевченко полагает, что штабом мятежников был арсенитский монастырь Мосель²⁰. Среди других сторонников Дримия следует отметить его ярого приверженца из Миры Ликийской, который набрасывался на овец Христовых, как волк (Аф. 139—141). А. Лайу считает, что сообщники пытались опереться также на евреев и армян Константинополя, но самыми опасными его союзниками называют выходцев из низов общества²¹. К.-П. Мачке предполагает, что поддержка ими выступления должна была быть значительной²². Эта часть населения столицы в 1304—1305 гг. значительно пополнилась за счет больших масс беженцев из Малой Азии, лишенных собственности и терпящих лишения. Но все же, поскольку патриарх обошел в письме этот вопрос, участие низших слоев столицы следует лишь предполагать, причем только на последней стадии выступления.

Не рассчитывая только на свои силы, Дримий и его сообщники призвали на помощь злейших врагов империи — турок и итальянцев, а также «живущих на Истре». «Они пренебрегли православием, позорно предали своих сограждан, отправили послов к безбожным Амалектитам, итальянцам, к живущим на Истре»²³ (*athesei orthodoxias, cai prodotia tou omofulou aischra, enatheois presbeuomenous Amalecitis cai Italois, tois te peri ton Istron oicousin* — Аф. 164—167). А. Лайлу и Ж. Верпо понимают под итальянцами каталанов. Но в прочей переписке, относящейся к тому же периоду, Афанасий I именует наемников Рожера де Флора и Беренгария д'Эстенца иначе — *Mogabaroï*²⁴, *Catelanoï*²⁵, *Siceloi*²⁶, что заставляет более осторожно подойти к этому вопросу²⁷.

Таким образом, умножив свои ряды, Дримий выдвигает основное требование. «Он даже не постеснялся предъявить такие большие требования, что они могут послужить основой для комедии, которая заставит смеяться, а скорее всего плакать над ним», — считает патриарх (*gelotos comodian axian e mallon dasuon pollon eauto catacharizomenos* — Аф. 55—56). Из дальнейших слов Афанасия I становится ясно, что это требование состояло в выдвижении Иоанна Дримия в качестве претендента на императорский трон, поскольку он был объявлен потомком Ласкарей. По словам патриарха, Дримий, ненавидимый богом, не достоин того, что намерен захватить, ни по заслугам, ни по происхождению (Аф. 82—85). В другом месте Афанасий I пишет, что злоумышленник «осмеливается заявить, что его трон находится среди звезд» (*met'ecainou tou theinai tois astrois ton thronon battarisai tetolmecotos* — Аф. 59). Гневно осуждая сообщников, патриарх говорит, что они думали захватить всю Римскую землю, как некогда их вождь сатана мечтал захватить весь мир под небесами (Аф. 156—159).

Финальную стадию действия Дримия и его единомышлен-

ников Афанасий I освещает крайне скупое, но и эти малые сведения позволяют думать, что сообщники пытались силой присвоить власть. «Еще вчера он заявил, что принадлежит к духовенству (o chthes tou bematos ena femizon eauton — Аф. 97—98), — говорит патриарх о возглавившем выступление, — а сегодня осмеливается появиться с мечом на колеснице, со скипетром» (semeron csifeforos dipsesas fanenai, cai fantastheis armatesceptouchos o tolmeti as — Аф. 98—99). Дела злоумышленников названы в письме «жестокими, непростительными, безбожными и смертоносными» (tou ergou touton omon cai asuggnoston, cai atheotaton cai olethrion — Аф. 125—126).

На последнем этапе выступление было разгромлено, а сам Дримий пленен. «Он выглядел как мышь, попавшая в смолу вместе со своими союзниками, с которыми был пойман» (oia pituos aptomenos mus, sunama cai oisper ealo cacos prosetairisamenos — Аф. 93—94). Участь прочих мятежников патриарх обозначил в следующих словах: «...соненствовавшие же Дримий в беспорядке, безрассуднее самых безрассудных, теперь заснули сном своим и не заслуживают ничего кроме полного порицания божьим гневом» (hoi to Drimei sunecbaccheuthentes etoi te alogia, oi cai alogon auton alogoteroi, all'ede cai upnosan upnon auton, cai ouch euron ouden apo epitimeseos pantos tes theias orges — Аф. 118—120). Афанасий I считает, что козни злоумышленников были разоблачены господом (Аф. 73—75, который повернул их собственное зло против них самих (Аф. 75—77)).

В заключение письма патриарх переходит к описанию наказания, которое, по его мнению, должно возложить на Дримия и его сообщников. Он сообщает василевсу, что вместе со священным синодом, с митрополитами Сард, Халкедона, Пергама, Вичины, Ахираи, архиепископами Редеста, Хариополя, Христополя и Дерка (Аф. 128—133) за «дерзновенные поступки, внушающие отвращение, безбожнейшие и гнусные, мы лишаем всякого священства этого западного и злобного зверя» (to tolmeta musachthentes to atheotaton cai anaischunton, passes apogumnoumen ierosunes auton ton theria ton duticon cai drimun Аф. 134—135). Эпитет «западный зверь» вряд ли указывает на происхождение Дримия. Скорее, Афанасий I желал показать, что за свои ужасающие деяния злоумышленник должен быть поставлен в один ряд с ненавистными латинянами.

По мнению патриарха, отлучение от церкви является самым страшным для человека в здравом уме (Аф. 144—146), поэтому такое же наказание ждет всех тех, которые «вместе с первопреступником Дримием знали его губительный замысел» (meta tou protaitiou Drimeos sun pasi tois acribos eidosi to fotion bouleuma — Аф. 142—143). В другом месте Афанасий I пишет, что всех их должна постигнуть участь Орива, Зива и Салмана (Аф. 79—81)²⁸. Со стороны императора он требует

принятия столь же суровых мер по отношению к мятежникам, но уже с помощью гражданских законов, карающих зло (Аф. 168—175), чтобы злодеи узнали гнев божий и устрашились, поскольку «там, где страх, там соблюдение заповедей божественных и людских» (Аф. 176—178).

Требования патриарха в период его второго понтификата носили действенный характер, хотя и ставили иногда императора в трудное положение из-за их категоричности. Еще в конце 1303 г. Андроник II обещал подчиняться и оказывать всякое содействие Афанасию I²⁹. С течением времени его доверие к патриарху увеличилось³⁰, чему способствовало даже землетрясение 17 января 1304 г.³¹ Поэтому мы вправе предположить, что именно вследствие этих требований, по сообщению Пахимера, василевс приказал изгнать из города многих сторонников заговора³².

Тон патриаршего письма гневен, каждая строка эмоционально окрашена. Позиция Афанасия I по отношению к выступлению крайне субъективна. Всякое действие сообщников, любую характеристику он подает в негативном плане. Так, например, Дримий, по его словам, обладал бесстыдной и дурной душой (Аф. 44), начал свои происки без какой-либо разумной причины (Аф. 87—88), и нет никого более злобного и жестокого, чем он (Аф. 146—148). Главу мятежников патриарх старается представить как паршивую овцу в добром стаде, как терновник, растущий в винограднике (Аф. 24—27).

Для Афанасия I Иоанн Дримий — инициатор и организатор выступления, главный подстрекатель и преступник. На самом деле за ним стояли выдвинувшие его силы широкой оппозиции правительству, прежде всего в среде церкви. Это подтверждается многократными указаниями патриарха на мнимое священство Дримия, которым тот широко пользовался, а также сообщением об активном участии арсенитов в выступлении, что ставило под удар не только императора, но и патриарха. Арсениты — сильнейшая в то время группировка в церкви — явилась главной опорой выступления, которое необходимо рассматривать как заговор, осуществленный церковной оппозицией и направленный на смещение императора и патриарха. На последней стадии ему сознательно пытались придать характер всеобщего мятежа против центральной власти. Интриги духовенства, принимавшие различную форму, были явлением, привычным для начала XIV в., — сам патриарх Афанасий I вторично вынужден был отречься, став жертвой заговора, организованного враждебным ему окружением в 1309 г.³³

Роль основной массы населения столицы в движении по данным письма оценить довольно сложно. Предположительно можно считать весомой поддержку, полученную заговорщиками со стороны беженцев из Малой Азии, которые буквально наводнили Константинополь. Афанасий I упоминает среди сто-

ронников Дримия его приверженца из Миры Ликийской. Кроме того, арсенитами, опорой заговора, являлись большей частью священники и монахи из малоазийских районов, что позволило Э. Арвейлер определить эту схизму как глубокую реакцию мира Малой Азии против Константинополя³⁴.

Таким образом, заговор Иоанна Дримия есть движение, отличное от многочисленных апостасий, характерных для империи, особенно в X—XI вв. Он созрел в среде оппозиционного духовенства и осуществлялся при его широком участии с попыткой привлечения к мятежу различных сил внутренней и внешней оппозиции центральному правительству, что стало возможным благодаря сложному положению страны. В тяжелых условиях первых лет XIV в. раскольническая группировка сделала попытку стать самостоятельной политической силой, способной решать судьбы империи. Осуществление замыслов заговорщиков, несомненно, имело бы негативный результат для империи, вело бы к дальнейшему ослаблению централизации и усилению внутренней нестабильности.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Сметанин В. А. О специфике перманентной войны в Византии в 1282—1453 гг.— АДСВ, 1973, вып. 9, с. 91—92.

² Ангелов Д. История на Византия. София, 1976, т. 3, с. 71.

³ Осипова К. А. Восстановленная Византийская империя. Внутренняя и внешняя политика первых Палеологов.— В кн.: История Византии. М., 1967, т. 3, с. 92.

⁴ Laiou A. The provisioning of Constantinople during the winter of 1306 to 1307.— Byzantion, 1967, V. 37, p. 91—113.

⁵ Verpeaux J. Nicephore Choumnos. Homme d'etat et le humaniste byzantin. Paris, 1959, p. 47.

⁶ Sevcenko I. The Imprisonment of Manuel Moschopoulos in the year 1305 or 1306.— Speculum, 1952, V. 27, t. 2, p. 149.

⁷ Laiou A. Constantinople and the Latins. The Foreign policy of Andronicus II 1282—1328. Cambridge (Mass.), 1972, p. 197.

⁸ Laurent V. Le serment de l'empereur Andronic II Paleologue au patriarche Athanase 1er, lors de sa seconde accession au trone oecoumenique (sept. 1303)— REB, 1965, 23, p. 128.

⁹ Matschke K.-P. Politik und Kirche im späbyzantinischen Reich. Athanasios 1., Patriarch von Konstantinopel 1289—1293, 1303—1309.— WZKMU, 1966, Bd. 15, S. 481.

¹⁰ Bandurius A. Imperium Orientale. Paris, 1721, t. 11, p. 970—975.

¹¹ Athanasii cp. Patriarche epistulae.— PG, t. 142, col. 483—492.

¹² The correspondance of Athanasius I patriarch of Constantinople. Letters to the emperor Andronicus II, members of the imperial family, and officials. Comment. and translation by A.-M. Talbot. Washington, 1975, p. 202—210 (ep. 81). (далее — Аф.)

¹³ The correspondance of Athanasius I..., p. 403.

¹⁴ Sevcenko I. The Imprisonment..., p. 149.

¹⁵ Laurent V. Le serment..., p. 128.

¹⁶ Евангелие от Иоанна, 17, 12. 2-е послание Фессалоникийцам, 2. 3.

¹⁷ Называя арсенитов «ксилотами» (что означает «деревашки, дубинки»), Афанасий I как бы хотел показать, что, облачаясь в священнические одеяния, эти «дубинки» являются теми орудиями убийства, которыми уничто-

жается стадо Христово. Арсениты, представлявшие большей частью демократические слои духовенства, находились в оппозиции и противились политике централизации и реформ, проводимых патриархом.

¹⁸ *Laurent V.* Le serment..., p. 128.

¹⁹ *Guilland R.* La correspondance inedite d'Athanase, patriarche de Constantinople (1289—1293, 1304—1310).—Melanges Charles Diehl. Paris, 1930, v. 1, p. 134.

²⁰ *Sevcenko I.* The Imprisonment..., p. 149.

²¹ *Latou A.* Constantinople and the Latins..., p. 197.

²² *Matschke K.-P.* Politik und Kirche..., S. 481.

²³ Под «живущими на Истре» А. Лайу понимает болгар, Ж. Верпо сербов, А.-М. Толбот склонна считать их болгарами, но не исключает возможности, что это сербы, венгры или румыны. При нынешнем состоянии изучения стереотипа «живущие на Истре» вопрос об их идентификации следует оставить открытым.

²⁴ The correspondance of Athanasius I..., cp. 35. 1, 19, 54.

²⁵ Ibid., ep. 46. 65.

²⁶ Ibid., ep. 68. 10.

²⁷ Требуется изучение всего наследия Афанасия I с целью определения эволюции употребления им термина «италийцы» в различные периоды его правления.

²⁸ Олив, Зев, Салман — князья Мадиямские, «посыгнувшие на именная бога» и убитые Гедеоном, вождем израильского народа. (Книга судей израи-левых. 7. 25, 8. 3; Псалтырь. 82. 12).

²⁹ *Laurent V.* Le serment..., p. 135—139.

³⁰ *Gill I.* Emperor Andronicus II and Patriarch Athanasius I.—Buzan-
tina, 1970, v. 2, p. 17.

³¹ Ibid., p. 15—16.

³² *Matschke K.-P.* Politik und Kirche..., S. 481.

³³ *Banescu N.* Le patriarche Athanase I et Andronic II Paleologue. Etat religieux, politique et sociale de l'empire.—Academie Roumaine. Bulletin de la Section historique, 1942, v. 23, p. 33.

³⁴ *Ahrweiler H.* L'ideologie politique de l'empire byzantin. Paris, 1975, p. 114.